

The book cover features a vibrant illustration. On the left, a blue door with intricate white patterns is set within a white archway, with a small black and white dog on the tiled floor in front of it. To the right, a woman with long dark hair, wearing a blue dress and blue shoes, sits on a white bench, holding a bouquet of red flowers. In the background, a mosque with a large dome and minarets is situated on a hill overlooking a blue body of water with a bridge and a small boat. The top left corner is adorned with a lush green and purple floral arrangement.

ЭСМИРА ИСМАИЛОВА

СТАМБУЛЬСКИЕ СПЛЕТНИ,

ИЛИ

**СЕКРЕТНАЯ КУХНЯ
ТУРЕЦКИХ КРАСАВИЦ**

НЕ ТОЛЬКО КУЛИНАРНЫЕ РЕЦЕПТЫ!

Эмира Исмаилова
Стамбульские сплетни,
или Секретная кухня
турецких красавиц
Серия «Еда, города, истории.
Книги со вкусом путешествий»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65558476

*Исмаилова, Эмира. Стамбульские сплетни, или Секретная кухня
турецких красавиц: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155450-7*

Аннотация

Невозможно представить себе Стамбул без его kadin, teyze, pene – женщин, тетюшек, бабушек, которые живут своей особенной жизнью и полны тысячей и одним секретом женственности и жизнелюбия. Открывая новую книгу Эмиры Исмаиловой, тотчас погружаешься в неумолкаемую их болтовню, в ароматы блюд и напитков, тысячелетиями приготавливаемых их умелыми ручками, в миллионы хитростей и уловок, которые они проделывают с мужьями и для мужей, чтобы поддерживать в них любовь, вкус к жизни, наслаждение каждым мгновением

сменяющих друг друга дней. Таинственный Стамбул и его женщины-чаровницы перед вами!

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Пролог	11
Очарование протекающей крыши, или Спасение медным зольником	21
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эсмира Исмаилова

Стамбульские сплетни, или Секретная кухня турецких красавиц

© Э. Исмаилова, текст, фото, 2021

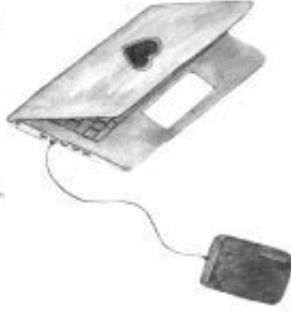
© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

«Посвящается очаровательным и непоколебимым стамбульским женщинам, которые научились быть верными себе и любимому городу, который всегда принимает их такими, какие они есть – независимо от роста, размера и предпочтений в еде, – то есть настоящими...»

А еще любимому Дипу, который по-прежнему рядом, несмотря на отсутствие полноценного сна из-за постоянно стучащей клавиатуры ноутбука по ночам;

крошкам Барб и Амке, научившимся постигать азы стамбульского «кеифа» вместе с самой безалаберной, но безмерно любящей их мамой...»

Bu kitap, büyüleyici, sarsılmaz, herkesi gerçek haliyle, boy, beden, yemek zeuki gözetmeksizin olduğu gibi kabul eden, yaşadığı kente ve kendine karşı nasıl dürüst olunacağını öğreten İstanbullu kadınlara adanmıştır...

Ve gece boyunca susmayan bilgisayar klavyesinden ötürü derin bir uykuya dalmayan ve buna rağmen hala yanımda olan Dip'e, İstanbul'un keyfini çıkarmanın esaslarını, dikkatsiz ama

bir o kadarda onları seven anneleri ile öğrenen Barb ve Amke'ye adanmıştır.

Посвящение на турецком языке.

Оказавшись однажды в многомиллионном Стамбуле, чье пряное дыхание неизменно заводило меня в очередную локанту, я всерьез обеспокоилась будущим своей фигуры. Каждое утро я обмакивала хрустящую локму в терпкий кофе и наслаждалась видами прекрасного города из окна небольшой, но уютной квартирки под самой крышей старинного османского дома... Внизу шумели громкоголосые торговцы воздушной выпечкой, пробуждая во мне еще больший аппетит...

Прошел год, прежде чем я узнала, что у этого загадочного города, скрывающего многовековые тайны буквально на

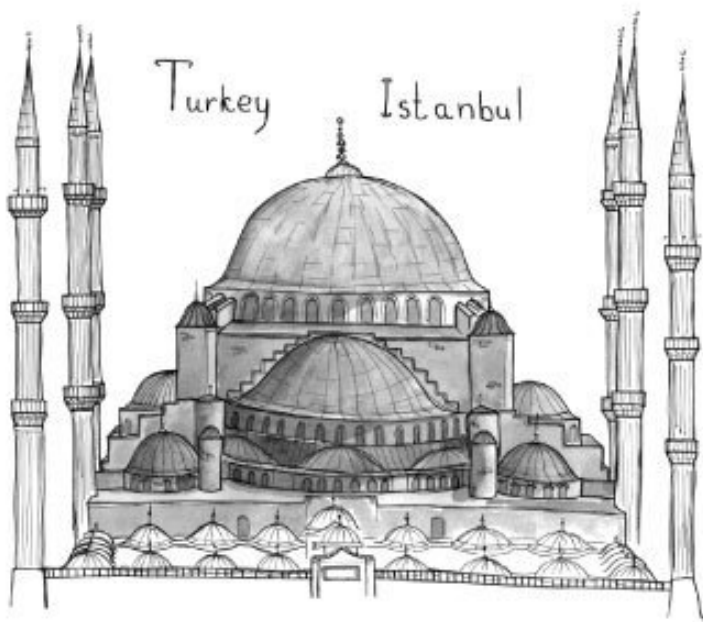
каждом шагу, есть еще один невероятный секрет. И хранят его... стамбульские женщины!

Как остаться стройной в мире сахарной пахлавы и сливочного кюнефе? Как не набрать лишние килограммы на родине калорийных мезе и гигантского кумпира? Не есть? Но это так не по-стамбульски... Удастся ли мне узнать то, о чем молчат местные красавицы? Как бы то ни было, я отправляюсь на поиски ответа на главный вопрос в своей жизни: как остаться стройной в столице солнечного менамена, масленых погачи и дюжисны румяных симитов, которые я непременно съем сегодня на завтрак!

Я загляну в сокровенные уголки стамбульских улочек, хранящих память о прекрасных гаремах и дымящих дворцовых кухнях; в замочные скважины роскошных османских домов, что нависают над холодным Босфором; в запотевшие окна крохотных харчевен, в которых готовят по рецептам визирей-прадедушек; на шумную рыночную площадь, над которой парят облака кардамона и огненного шафрана; наконец, я прикоснусь к скрытной стамбульской душе, в которой так много тайн накопилось за долгие столетия османского великолетия!

Пролог

С чего начались мои стамбульские приключения? Очевидно, с усыпанного кунжутом симита¹ и взвившейся в небо чайки. Или с медного наперстка с терпким кофе, от которого в первый раз першит в горле, а после ты без него уже не мыслишь и дня... Может, я влюбилась в этот город, когда

---

¹ Симит – традиционный турецкий бублик, усыпанный кунжутом.

поднесла к губам чашку с горячим салепом на деревянной палубе скрипучей яхты? В тот вечер шел дождь, и Босфор кружил меня в неистовом вальсе! Потом были бесконечно долгие прогулки по свободолюбивому кварталу с экстравагантным названием Мода. Небольшое уточнение:

в Стамбуле длительность прогулок определяется не расстоянием, а временем, проведенным в многочисленных кафе и локантах, щедро разбросанных по пути следования каждого, кто ступит на эту благодатную землю.

Здесь едят все, и Ода кухне льется из любого окна и из каждой двери, предусмотрительно оставленной приоткрытой гостеприимным хозяином... Вдруг вы решите зайти на чаек? И будьте уверены, что вы непременно зайдете, одурманенные ореховым привкусом топленого масла, который поселится на кончике языка – стоит вам оказаться в этом необычном городе.

Утро стамбульцы начинают с неторопливого променада вдоль улиц, сплошь усеянных крохотными семейными заведениями. Вот в этом, например, прямо за очаровательным красным «теремом» Джулио Монджеро² в самом цен-

---

² Джулио Монджеро (1873–1953) – известный левантийский архитектор и педагог, рожденный в Стамбуле. Прославился многочисленными работами, которые по сей день украшают Стамбул: дворец Италии, католическая церковь Св. Антония Падуанского, Мачка Палас и др.

тре Шишли, бабушка Лейла с утра наматывает на длинный охлов прозрачное тесто, из которого вот-вот будут готовы нежнейшие лепешки гёзлеме. Пожалуй, возьму одну, диетическую, со шпинатом... Но не нужно уходить так скоро. Как раз подоспела горячая ачма с расплавленным сыром. Не успели вы надкусить ее хрустящую корочку, как тут же на перекрестке вам протягивают бумажный кулек с жареными каштанами. Вы знаете, как пахнут горячие каштаны?! О, лучше этого не знать! Еще несколько шагов влево, и виртуозный нарезчик запеченного на вертеле мяса тянется к вам с завернутым в тончайший лаваш кусочком сочного кебаба. Конечно, вы не собирались его пробовать. Но вас угощают! Не бежать же от такого милого кебабчи, в самом деле...

Выбирая город, достойный звания «столицы еды», я бы непременно остановилась на Стамбуле, потому что сомневаюсь, что где-то еще о еде могут говорить так много. Я бы даже взяла на себя смелость сказать, что о еде здесь говорят ВСЕГДА! Не верите? Что, в таком случае, вы скажете на то, что всего за год пребывания в Стамбуле я напрочь забыла имена своих многочисленных дядюшек и тетюшек, зато названия окороков упитанного барашка на вольном выпасе могу изложить даже спросонья в три часа ночи. Совпадение? Отнюдь... Когда престарелая соседка, выгуливающая лохматого шпица, интересуется моими делами, это означа-

ет, что я должна поведать, из чего состоял сегодняшний завтрак. Мясник, к которому заглядывают за бараньей корейкой, жалуется не на оболтуса-сына, которого оставляют на второй год, а на капризного поставщика, что сократил поставки чего бы вы думали?! Бараньих семенников (произношу шепотом). Что это, даже не спрашивайте... А как объяснить тот факт, что на родительских собраниях здесь обсуждают не оценки и успеваемость учеников, а меню в школьной столовой?

О боги, куда катится этот город? Ведь его ждет неминуемая кара за чревоугодие...

Но нет, Стамбул процветает не одно тысячелетие, утопая в пряных ароматах фаршированных мидий и зажаренного до корочки кокореча, от одного вида которого рот наполняется слюной и мозг берет паузу. Наследие пышущих жаром султанских кухонь встречает на каждом шагу: хотите или нет, вас будут кормить здесь денно и ночью, до последнего вздоха... Возможно, так было бы и со мной, погрязшей в пучине безрассудного наслаждения, однако счастливый случай распорядился иначе и подвел меня к увлекательнейшему из приключений, которое изменило многое в моей жизни. О, как это было!

Однажды в четверг я встала на весы, пылившиеся последний год под раковиной в крохотной ванной с круглым окном на крышу. Стеклянная подставка недовольно скрипнула

ла (еще бы!), долго колебалась бледными цифрами на электронном экране и наконец выдала: 60 кг. Я стояла опешив, не зная, с какой стороны сойти с этого адского агрегата, нагло лгавшего прямо в лицо. Да известно ли этим весам, что 60 килограммов я весила на шестом месяце беременности?! Где мои 52? Наверняка что-то с батареейкой, и я принялась трясти весы, очевидно, продавшие душу дьяволу. В ванную заглянул Дип: у него талант оказываться там, где его не ждут.

– Не волнуйся, милая, я люблю тебя любой, – преспокойно бросил он, заметив мою возню с весами, и скрылся. А я осталась одна, жестоко обманутая и разочарованная.

Весь год меня кормили как на убой. Пичкали масляной пахлавой, как рождественскую утку на королевской ферме. Хотя нет, закармливать птицу во многих странах запрещено законом из-за негуманности метода. Выходит, гусей нельзя, а меня можно... Тут же буйная фантазия в красках представила заплывшую жирком фуа-гра в правом подреберье – там же кольнуло, и я побледнела...

Сказать, что в тот день мир перевернулся с ног на голову, – не сказать ничего. Несколько часов я провела в состоянии психоанализа прошедшего года: вспоминала «вражески» настроенных торговцев, подкармливавших меня только что испеченными булками и погачами. Сколько коварства теперь я обнаружила в легком прищуре дядюшки Нусрета из патиссерии напротив! А тетушка Хатидже, которую

я, как родную, трижды целовала при встрече? Ведь это она приучила меня к тончайшему лахмаджуну... А рыбак Мехмет, специально выбиравший тушки фенера³ пожирнее! Все это было похоже на сговор, предательство. И какое изощренное! В негодованиях на холодном кафеле ванной комнаты я поклялась отныне проходить мимо любого общепита. Однако объявление войны – не мой конек. Оказалось, клятва, данная в четверг, может быть легко нарушена уже в пятницу – именно в этом меня убедил торговец артишоками и продал килограмм мясистых бутонов для ужина...

Конечно, любой, услышавший мою печальную историю, имеет полное право удивиться и спросить: как я могла настолько усыпить свою бдительность и не заметить столь явные изменения в фигуре? Почему не била тревогу, очевидно, не влезая в старые джинсы? Подвох был повсюду... Коварный «оверсайз» сделал свое страшное дело: я плавно кочевала в родном размере «s». Изначально широкие «tot's jeans» превратились на мне в «ультра скинни», верхнюю пуговицу на которых последние полгода я невзначай оставляла растянутой. Это был своего рода негласный сговор двух одиночеств: я не застегиваю, а они не жмут.

Обидевшись на бедного мужа, не вовремя заглянувшего

---

³ Фенер – рыба-фонарь, она же европейский удильщик или «морской черт» (тур.).

в ванную, я отправилась в ближайшую локанту с изумительным чаем, от которого слегка вяжет во рту и почти не хочется есть. За окнами прогуливались уверенные в себе стамбулки: они гордо выставляли вперед тонкие подбородки, призывно вздернутые кверху; длинные ноги, затянутые в леггинсы, мелькали прямо перед моим носом, который то и дело подергивался в попытке всхлипнуть от душераздирающей обиды. Кругом были стройные люди, казалось, не знавшие ни «бал каймагы»⁴, ни калорийной ореховой пасты из нежнейшего фундука региона Карадениз, которую я так любила толстым слоем на теплом симите... Как умудрялись все эти женщины сохранять стройность в мегаполисе еды – столь щедром и гостеприимном?

Официантка незаметно поставила передо мной блюдо с двумя картофельными пирожками: комплимент от шефа. Сам шеф, тучный краснощекий красавец, весело прищелкнул языком – и я почти почувствовала себя почетным членом клуба круглолицых любителей выпечки.

В тот момент я осознала всю горечь ситуации и ускользающего размера. Мне вспомнилось висящее в гардеробе шелковое клетчатое платье Burberry, бережно упакованное в замшевый чехол. Представив, что оно никогда больше не застегнется на моей раздавленной талии, я поперхнулась пирожком и выскочила на улицу. Нужно дышать... Вдох-вы-

---

⁴ Мед со сливками – традиционное турецкое блюдо на завтрак. Подается с теплыми симитами.

дох...

То была кратковременная паническая атака, которую я быстро погасила чашкой турецкого кофе и разговором с худющей дамочкой за соседним столиком, которая была завсегдатаем в этом заведении и тараторила со всеми подряд без умолку.

– Вы не знаете, почему в Стамбуле почти все женщины стройные? – не выдержав, спросила я.

– Конечно, знаю! – ответила она так быстро, словно этот вопрос был ожидаем ею. В воздухе повисла короткая пауза. – Потому что мы едим то, что хотим, – и она ловко подхватила с пола проходившую мимо уличную кошку и стала тыкать ее недовольную мордашку в тарелку с блестящей от масла мыхламой⁵.

Я закатила глаза, пытаюсь нащупать хоть толику смысла в этой нелепице. Год, проведенный в Стамбуле, научил меня многим премудростям. Главная из них заключалась в том, чтобы не верить тому, что адресуется ябанджи⁶, а ведь я была для местных все той же заезжей иностранкой, которая говорила глупости, да еще и с ужасным акцентом. И все же это никому не давало права отмахиваться от меня, словно от назойливой мухи, кружащей над тарелкой со сливочными профитролями, щедро залитыми горячим шоколадом –

---

⁵ Мыхлама (или Мухлама) – обжаренная в сливочном масле кукурузная мука, перемешанная с расплавленным тянущимся сыром.

⁶ Иностранец (*тур.*).

здесь этот десерт подают именно так.

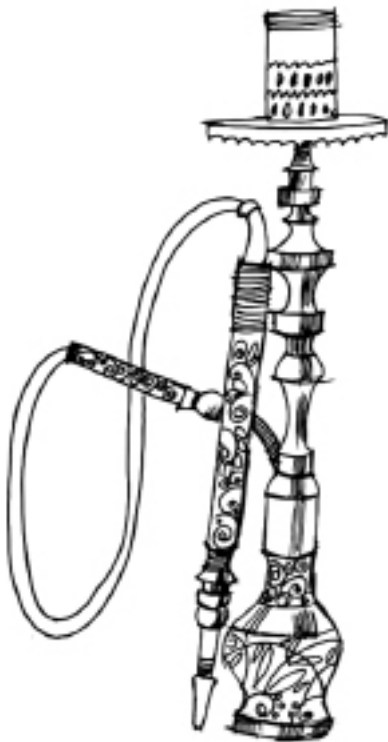
Однажды Стамбул распахнул мне свои объятия, и я была безмерно благодарна ему за теплый прием, скрасивший первый год жизни в незнакомом городе. Не мог он оставить меня в беде и в этот раз... Я намеревалась докопаться до истины, выведать все сокровеннейшие из секретов стройности (в том, что они имеются, я уже не сомневалась ни минуты) и после, нарядившись в любимое платье с затянутой талией, прийти в это же кафе и заказать порцию профитролей, потому что я намерена есть то, что мне хочется – как коренная стамбулка!

Страничку за страничкой я собирала эту книгу, закладывая в нее многовековые тайны османских дворов и невероятные откровения тех, с кем так любезно сводил меня этот удивительный город. Словно невидимый проводник, он раскрывал передо мной тяжелые двери старых османских особняков, нашептывал их хозяевам пароли и явки, после чего те любезно впускали меня под осыпающиеся крыши вековых жилищ, чтобы поделиться сокровенным под звуки угасающего слепополуденного азана...

Изменится ли моя жизнь? Удастся ли найти то, что я так трепетно ищу? Старая мудрая чайка опустилась на низкий парапет у окна и тихо закурлыкала, заводя премилую беседу. Бьюсь об заклад, она рассказывает о нежном мезгите, кото-

рого всегда вдоволь в мутном Босфоре. Что ж, чайки точно как люди... О чем же еще им говорить в Стамбуле, как не о еде?..

*Afiyet olsun ve kolay gelsin!*⁷

⁷ Приятного аппетита и пусть у вас все получится! (тур.)

Очарование протекающей крыши, или Спасение медным зольником

9 октября, Стамбул

На следующий день после злополучной истории с весами

Миниатюрные копии османских дворцов. – Сценки Кауф-

ман на стенах обшарпанной парадной. – Ощущение влюбленности на винтовой лестнице. – Особая каста стамбульских женщин. – Безупречные лодыжки и тонкая талия взбалмошной соседки. – Юбка выпускницы как символ невозвратности прошлого. – «Erkek», или каста неприкасаемых, в диалектике современных женщин. – Флирт с Альтаном, который вполне мог бы быть Антуаном. – Вяленые помидоры как верное средство от голода. – Объединяющие «vasilaki» и кусок заплесневелого сыра. – Тройное предназначение медного зольника. – Неоцененный успех османского Икара. – Загадочный аксессуар компании Moët & Chandon.

Октябрь в этом году выдался прохладным. Ледяные объятия северного ветра, неожиданно налетевшего со стороны Черного моря, пробивали до озноба, отчего еще больше хотелось попасть внутрь старинного здания, у входа в которое я уже минут десять отбивала чечетку. Мне было назначено на одиннадцать, значит, и позвонить в дверь я должна буду ни минутой раньше – последствия строгого воспитания. С восхищением изучая барочный фасад, напоминавший творение династии османских архитекторов Бальянов, я осыпала себя вопросами, пытаясь скоротать время до встречи.

Каково обычным людям жить в миниатюрных копиях прекрасных дворцов? Каждое утро распахивать ставни с давно облупившейся краской и, выглянув из глубоко посаженного окна, здороваться с равнодушным

Босфором...

Выходить из мраморной парадной, чтобы отправиться за горьким кофе в затрапезную забегаловку за углом? Что чувствуешь, если изо дня в день дотрагиваешься до отполированной временем бронзовой ручки в виде морды гепарда на двери подъезда?.. Я осторожно щелкнула его по носу и нажала на кнопку, напротив которой каллиграфически было выведено: «Dr. Derya Yıldız»⁸. Очередной порыв вновь налетел, ударив в спину тысячами микроскопических игл, и я сильнее прежнего надавила на злосчастную кнопку, не желавшую никак реагировать на мою мольбу скорей впустить внутрь. Затем еще раз и еще... Откуда-то сверху послышался раздраженный женский голос:

– Совсем с ума посходили? Перестаньте трезвонить!

Я выглянула из-под портика и попыталась разглядеть ту, которая, видимо, пребывала не в лучшем расположении духа. В облаке сигаретного дыма торчала дамочка со всклокоченным каре. При том что лица ее практически не было видно, недовольное выражение на нем я уловила моментально.

– Мне нужно войти! У меня встреча с Дерья-ханым! – попыталась произнести я так громко, чтобы не сорваться на крик, потому что это невежливо, и в то же время мне нужно было перекричать толпу на Галатской площади, которая гудела прямо за моей спиной.

Спустя минуту внутри что-то загудело, замок щелкнул,

---

⁸ Доктор Дерья Йылдыз (*тур.*).

и – о чудо! – дверь отворилась. Не успела я войти в мрачную парадную, как с верхнего пролета винтовой лестницы уже гремел знакомый голос:

– Что вы там застряли?! Поднимайтесь скорее!

Кивнув головой, я бросилась к мраморной лестнице. Очаровательные состарившиеся стены, которые последние лет сто никому и в голову не приходило привести в порядок, тут же приковали внимание. Они были великолепны! Бледные фрески с мифологическими мотивами перемежались с облупившейся побелкой, небрежно нанесенной рукой безразличного маляра. Умышленно или нет, когда-то он обошел изумительные картинки, и теперь я могла любоваться тонкой росписью. Это как заглянуть в бабушкин сервант с легендарным фарфором «Мадонна». Те же милые сценки талантливой и несправедливо забытой Анжелики Кауфман... Вот Юпитер покоряет Каллиопу, а вот разъяренная Диана ломает стрелы бедняжки Купидона... Ох, уж эти старые подъезды! Их очарования хватило бы на тысячу дворцов и столько же замков! Чего стоят одни винтовые лестницы, создающие иллюзию полета!

Любой архитектор заверит, что спиральная конструкция экономит место в небольших помещениях, но это отнюдь не главное ее достоинство. Винтовые лестницы кружат головы и дарят ощущение влюбленности!

Подняться наверх оказалось не так просто, как можно

было подумать снизу. Женщина в облаке сигаретного дыма нервно отбивала гимн Турции каблуком и подозрительно рассматривала меня.

– Вы от Эмель? – недружелюбно бросила она и, не дождав-
шись ответа, кивнула в сторону высоченной двери, украшен-
ной фактурным вензелем под самым потолком. Не задавая
лишних вопросов, я тихо проскользнула внутрь, предвкушая
преувлекательную беседу с представительницей особой ка-
сты стамбульских женщин: «несносная фурия» – так назва-
ла бы ее я, если бы мне только позволили классифициро-
вать этих замечательных созданий – таких капризных, высо-
комерных и самодостаточных. Дерье было хорошо за пять-
десят, однако об этом можно было догадаться, лишь вни-
мательно присмотревшись к глазам, выдающим возраст тон-
кой сеточкой едва заметных морщинок на жемчужной коже.
В остальном она была безупречна: натянута, как карамель-
ные струны на любимом десерте «Сан Себастьян» в пекарне
у дома. От такой компрометирующей и выдающей любитель-
ницу перекусить аналогии мне стало не по себе, и я обречен-
но опустила в мягкое кресло, с трудом позволяющее дер-
жать осанку, которая в подобные минуты досады была мне
просто необходима.

*Посетить Дерья-ханым настоятельно рекомендовала
радетельная соседка Эмель, уверенная, что ее старая зна-
комая, педагог-нутрициолог авторитетного медицинского
университета Турии, непременно даст парочку дельных со-
ветов о том, как держать себя в форме, не отказывая при
этом в столь милых шалостях, как несколько кусочков пах-*

лавы на завтрак и столько же на обед.

– Тебе всего лишь недостает организованности, – на днях заявила Эмель, которая сама едва помнила, в каких классах учатся ее дети, как зовут их отцов и сколько денег она мне должна. Неутомимая создательница хаоса учила, как распорядиться временем и рационом, а я послушно внимала ей, следуя совету за советом. В одном нужно отдать должное этой взбалмошной особе: будучи в «интересном» положении четырежды, она смогла сохранить безупречные лодыжки и тонкую талию. Я же день за днем утрачивала писательскую сноровку, уважение к себе и тонкие щиколотки, которым так шли туфли Prada, теперь пылящиеся на дальней полке гардеробной.

Эмель была тем человеком, который трудности подруги моментально переносит на себя и начинает их скоропалительно решать, воспринимая отказ от помощи как личное оскорбление. Так в считанные минуты она навязала мне своего диетолога с такой же легкостью, с какой обычно предлагают чашку капучино с молочной пенкой на завтрак. Естественно, я моментально согласилась!

И вот теперь я сидела в неудобном кресле, которое, как мне казалось, неимоверно наполнило – так что изо всех сил я тянула голову кверху и выпрямляла спину, пытаясь сделать образ более вертикальным, а значит, утонченным.

– Эмель сказала, вы проводите исследование на тему осо-

бенностей питания в послеродовой период? – поинтересовалась диетолог с таким безразличием, с каким позволено говорить только «несносным фуриям».

– Ну, если так называется желание вернуть себе форму спустя пять лет после родов, то можно сказать и так, – я пыталась шутить, однако скептически настроенная доктор не поддержала моего настроения и еще глубже уткнула нос в айпад, в котором делала пометки по поводу моего рациона.

Обычно люди элегантного возраста с гаджетом в руках пускают, но только не эта особа. Она держалась уверенно, хотя и относилась планшет дальше обычного. А легкий прищур, выдающий тщательно скрываемую дальнзоркость, говорил лишь о том, что она все еще отказывает очкам, боясь признаться себе в приближении «поздней весны», как в Стамбуле принято говорить о преклонном возрасте.

– Почему вы хотите похудеть? Ведь вы не выглядите грузной...

– Да, но я боюсь уйти от своего прежнего веса и как бы... Не знаю, как сказать...

– Бойтесь потерять связь с прошлым? Не влезть в юбку выпускницы старших классов?

Она пристально всматривалась в мое раскрасневшееся лицо: в комнате было достаточно душно. Плюс ко всему я прилагала невероятные усилия, чтобы не растечься по креслу, которое почти не держало форму и расплывалось подо мной, как бинбэг в школьной библиотеке. Никогда не мог-

ла сидеть на этих набитых поролоном мешках! Не в силах больше напрягать пресс, чтобы держать спину прямо, я поднялась настолько грациозно, насколько могла это сделать.

– Пожалуй, я пересяду... Ближе к свету. – И я направилась к вытянутому окну с низким подоконником. Внутренние ставни украшали его облупившиеся откосы.

На минуту я замерла, пораженная видом старейшего из районов города – Галаты. В Средние века его застраивали прогрессивные гегуэзцы, захватившие у византийцев небольшой кусок земли ровно там, где Босфор соединяется с Мраморным морем и дает жизнь красивейшему из заливов – Золотому Рогу.

Предприимчивые переселенцы тут же обнесли землю крепостной стеной, а в центре возвели великолепную башню Христа, с высоты которой легко могли контролировать входящие в залив корабли и рассчитывать на соответствующие пошлины для своего кармана. После падения Византии башня оказалась удобным сооружением для контроля за землями, правда, теперь в руках османов. Ее стали называть Галатой, как и район, в котором она находится.

– Она прекрасна, – произнесла я, пораженная тем, насколько величественной может быть обычный каменный столп высотой с двадцатиэтажный дом.

– А на мой взгляд, ее вид удручает, – и Дерья подошла, чтобы убедиться, что столетиями неменяющийся город все тот же. Сотни серых оттенков, разбавленных местами блед-

ной терракотой черепичных крыш, приковывали взгляд и не позволяли оторвать его от бывшего великолепия тысячелетней истории.

– В Стамбуле, как нигде, чувствуется время... Его неумолимый бег... Невозвратимость момента... – со свойственной для среднестатистической стамбулки апатией произнесла Дерья.

– Как и невозвратимость моего размера, – грустно добавила я, а доктор впервые улыбнулась.

– Пойдемте на кухню, там и поговорим.

– Не могу поверить, что у женщины с такой фигурой есть в доме кухня.

– О, кухня в доме должна быть всегда, иначе в этом доме никогда не появится мужчина! Это совет диетолога номер один.

Стамбульские женщины говорят о мужчинах крайне редко. Вначале это сбивало с толку: о чем еще говорить с подругами, когда темы «дети», «шопинг» и «красота» полностью исчерпаны? Но только не здесь!

Стамбулки часами болтают обо всем, что знают и о чем не имеют никакого представления, однако никогда даже словом не обмолвятся о противоположном поле. Это своего рода табу, неприкосновенная тема, потому что местной женщине нет никакого дела до тех, кого здесь принято называть

«erkek»⁹.

«Erkek» – это своеобразная каста неприкасаемых, или райа¹⁰, облагаемая особой податью в виде постоянно растущих требований ненасытных стамбульских энцицин.

Признаться, мне не хватало задушевных посиделок, к которым я так привыкла в компании старой французской подруги Мари. Она еженедельно давала детальный отчет обо всех ухажерах, включая парикмахеров и водопроводчиков, чем приводила меня в неописуемый восторг. В Стамбуле же единственный мужчина, удостоенный чести быть упомянутым соседками нашего дома, был смуглый мясник с белозубой улыбкой по имени Альтан. Уверена, живи он в Париже, его звали бы Антуаном и быть ему непременно героем-любовником, беспрестанно флиртующим с очаровательными покупательницами. Однако здесь, в городе еды, местные красавицы, уже порядком подуставшие от брака, все же видели в Альтане исключительно продавца окороков и отбивных. Это пуританское обстоятельство делало нашу компанию чрезмерно благопристойной и, следует отметить, невероятно скучной.

И на этот раз разговор о сильном поле оборвался так же неожиданно, как и был начат. Кухня врача-диетолога выгля-

---

⁹ Мужчина (тур.).

¹⁰ Райа – низшее сословие в Османской империи, подлежавшее самому высокому налогообложению.

дела вполне в стиле своей хозяйки: официально, натянуто и невесело. Судя по девственной полировке поверхностей, не знавших брызг раскаленного масла, и по запаху освежителя в воздухе, мужчины в этом доме все-таки не было. Даже при наличии кухни.

Дерья резким движением распахнула холодильник, который был практически пуст, как мои счета после многочасового шопинга в Zorlu AVM¹¹, и представила единственного обитателя холодных чертогов фирмы Gaggenau. На центральной полке стояла небольшая баночка с чем-то красным внутри.

– Это мой друг!

На мгновение мне показалось, что речь идет о выдуманном персонаже, которого никто не видит, но все делают вид, что он есть – дабы не обидеть... Нужно было срочно определиться с реакцией, и, выдавив идиотскую улыбку, я приземлилась за стол. Дерья вытащила банку и поставила ее прямо у моего носа.

– Совет специалиста номер два. Вяленые помидоры! Захочется есть, пожуй помидорку – голод как рукой снимет.

– А если не снимет? – уж я-то знала свои запросы и возможности.

– В таком случае можешь поесть.

– Так просто? И это поможет?

---

¹¹ Речь идет об одном из самых популярных и фешенебельных торговых центров в Европейской части Стамбула.

– Если с гормонами все в порядке, поможет, – при этом она, откинув крышку, выудила вилкой мясистый помидор и целиком засунула его в рот. Через минуту мы уже на пару утоляли взявшийся из ниоткуда голод.

Говорили мы долго: настолько, что даже не заметили, как между нами оказалась бутылка белого вина «vasilaki» с острова Бозджаада¹², кусочек заплесневелого изумрудного сыра «кюфлю пейнир», который мы поровну разделили вилкой, так как ножа в этой кухне не оказалось (кто бы сомневался!). И так, возможно, мы и дальше обсуждали бы калории и детские комплексы, если бы не дождь, начавшийся совершенно неожиданно.

Мельчайшая изморось неуверенно забила по пыльным стеклам старого дома, который жил своей жизнью и воспринимал жильцов как нечто преходящее – вроде стеснительного почтальона или громкоголосой молочницы, что заглядывает каждое утро с бутылкой парного молока и горшком нежнейшего буйволиного йогурта.

Дерья резко задернула шторы, скрывая расплакавшиеся от спорого дождя окна. Десятки ручьев проворно стекали по ним, оставляя грязные дорожки. Я засобиралась...

– Не люблю дождь... – напряженно произнесла хранительница секрета о вяленых помидорах.

– А я люблю. С ним дома становятся уютнее.

– Мы не любим уютные дома. Они у нас всех холодные и пустые...

---

¹² О. Бозджаада расположен в северной части Эгейского моря, недалеко от города Чанаккале – той самой легендарной Трои, описанной Гомером в «Илиаде». Согласно древнегреческому эпосу, островом управлял прославленный Тенедос, которого Ахиллес сразил во время Троянской войны.

Мне подумалось, что при пустом холодильнике это немудрено, но вдруг откуда-то сверху на меня упала тяжелая капля. Я подняла голову: на потолке красовалось мокрое пятно размером со сковороду, в которой я обычно делаю менемен¹³ на четверых для воскресного завтрака. Пятно росло с каждой минутой – и вот уже вполне походило на огромный таз, в котором удобно варить варенье из крохотного кумквата, горы которого скоро появятся на широких прилавках стамбульских базаров.

– Yukardan su akar¹⁴, – для большей убедительности я указала пальцем вверх.

– По-турецки мы говорим так: «yağmur yağıyor»¹⁵, – и она стала нервно постукивать каблуком, видимо, уже дожидаясь, когда же я наконец исчезну с глаз долой, пусть даже унесенная осенним ливнем. Такой тип женщин сентиментальности на дух не переносит. Я знала это и стала быстро натягивать пальто.

– Простите, – ей явно было трудно выдавливать из себя это слово. – Консультации не получилось. Каким-то образом вам удалось нарушить все правила, – язвительно заметила она и отошла к окну, в котором, словно на холсте, по-импрессионистски расплывалась Галата. Дерья напряженно то-

---

¹³ Менемен – яичница с тушеными помидорами. Излюбленное стамбульцами блюдо на завтрак.

¹⁴ Сверху течет вода (тур.).

¹⁵ Идет дождь (тур.).

чила до боли знакомым стамбульским взглядом – будто нас ничего и не связывало: ни съеденная на двоих банка вяленых помидоров, ни бутылка прохладного «vasilaki», ни впервые случившийся за время пребывания в Стамбуле разговор о мужчинах.

– Нарушила правила? – теперь я точно не понимала, о чем речь. На меня осуждающе смотрели два карих глаза на вытянутом лице, а я перебирала в памяти события последних двух часов, пытаюсь разобраться, на каком этапе успела заработать «желтую карточку». Или сразу «красную»?

– Правило в том, милая, что вы пытаетесь овладеть тем, что у вас уже есть. К чему диетолог? Вы сами не знаете, что вам нужно и отчего ваши проблемы. Почему бы вам для начала не объяснить себе, зачем вообще худеть?

Складывалось впечатление, будто я пришла на консультацию не к диетологу, а к заносчивому психологу, которых избегала всю сознательную жизнь. Кроме того, вопрос о мотивации казался уж слишком личным, и я не удержалась:

– А почему бы вам не объяснить себе, зачем дыра на потолке? – Моему терпению пришел конец, и я направилась к высоченной двери, в которую можно запросто заходить с ребенком на плечах, не заботясь о том, что он стукнется головой о косяк. Я почти уже перешагнула порог, когда до меня долетел тихий ответ:

– Потому что это очаровательно...

Я вернулась:

– Что же в этом очаровательного?

– Когда протекает крыша – это и есть очарование... Это красиво...

– А ваш прекрасный пол? – и я указала ей на темное пятно на роскошном наборном паркете, какие мне приходилось видеть лишь в старинных особняках времен султаната. Его определенно нужно было спасать, и, быстро окинув взглядом комнату, я остановилась на медном зольнике причудливой формы, стоявшем у камина.

Капли завели новую песню, отражаясь звонким эхом от металлического днища.

Комната будто на миг повеселела, зазвучав мажорным многоголосием медного таза. Сколько лет было этим выцветшим стенам, хоть и прикрытым яркими пятнами безликих картин? Теперь, окутанная серой дымкой, едва проникавшей сквозь мутные створки окон, гостиная выглядела прелестной старой девой – сидящей, но не теряющей надежду.

Было очевидно, что эгоцентричная наставница боится одиночества. В тот момент мои лишние пять или семь килограммов (я действительно не помнила, сколько именно) показались невероятной мелочью в сравнении с отсутствием ножа в этом доме.

– Вообще-то зольник я использую с другой целью...

Я в нем парю ноги, – и Дерьба зарделась, будто призналась в невесть каком грехе.

– Мы тоже всей семьей парим ноги, если простужаемся.

– Нет-нет, это другое. Меня научила так бабушка. Каждый вечер женщина должна пятнадцать минут подержать ноги в горячей воде. Это наш семейный секрет стройности.

– А помидоры? – создавалось ощущение, что меня водили за нос все это время.

– Вяленые помидоры вам будут рекомендовать в любой точке мира – от Сиракуз до Анталы! Но тазик с горячей водой – это наше, стамбульское...

Я всегда чувствую момент, когда нужно притормозить и запомнить. И это был он! Мне даже захотелось записать, но доставать телефон было неловко, и я распрощалась со своей необычной наставницей, которой, кстати, самой не помешало бы обратиться к специалисту для восстановления душевного баланса.

Прежде чем отправиться домой, я завернула к величавой Галате, что уже семь веков возвышалась над неторопливой жизнью удивительного города. Спорый дождь разогнал туристов – и теперь они, словно взъерошенные воробьи, жались друг к другу в крохотных кафешках, пытаясь выудить что-нибудь согревающее из потертых меню. Веселые официанты резво сновали между ними с грушевидными стаканчиками с янтарным чаем. Кому-то подносили медные чашки

с дурманящим кофе, другим – тягучий бодрящий салеп¹⁶... Неизменным было одно: этот город умел сделать счастливым каждого.

Обойдя Галату, я с удивлением обнаружила, что и у входа не было никакой очереди – невероятное везение! Нырнула в темный проем и оказалась в узком проходе, который, словно каменная змея, закручивался и исчезал высоко над головой. Ступенька за ступенькой, напрасно борясь с головокружением (пожалуй, винтовых лестниц на сегодня было достаточно), я поднималась вверх. Конечно, можно было воспользоваться лифтом, который установили как раз в этом году, но мысль об асансёре¹⁷ в старейшем из сооружений казалась ужасно кощунственной, и я, упираясь руками в холодные стены, продолжила героический подъем. Наконец распахнутые двери! Под коническим куполом, венчающим красавицу-башню, по всей окружности растянулся узкий балкон. Изящно вылитый, он походил на кольцо, надетое на каменный палец прекрасной великанши, – идеальная смотровая площадка и, очевидно, лучшая в Стамбуле!

---

¹⁶ Салеп – популярный в Турции бодрящий зимний напиток, приготовленный из молотых клубней диких орхидей.

¹⁷ Лифт (*тур.*).

Дождь все еще продолжал накрапывать, и я вцепилась за коченевшими пальцами в чугунный парапет, боясь быть снеженной порывистым поймазом¹⁸. Могучий Босфор врывался резкой волной в Золотой Рог, разделяя красивейший из городов, какие мне только приходилось видеть. Море из черепичных крыш разливалось далеко внизу, создавая невероятные узоры неожиданными хитросплетениями старинных улиц.

Тонкие ленты серого дыма, борясь с влажным воздухом, стремительно поднимались вверх, пока очередной вздох ветра не заставлял их покорно сдаться. Дрожа, они преклоняли головы перед могучей стихией и уже продолжали стелиться густым туманом прямо над пыльными мостовыми города.

Пепельные облупившиеся купола прошедшей византийской эпохи едва заметно возвышались над более поздней застройкой. Угловатые крыши, тянущиеся к небу готическими шпилями, скромно выглядывали из черепичных рядов, будто стесняясь своей старомодности. Но кого в этом городе испугаешь ветошью? Разве что чаек? Несмотря на дождь, эти гигантские птицы, напоминавшие доисторических рептилий, продолжали разрезать грязное полотнище холодного неба, охраняя свои владения. Пролетая совсем близко от

---

¹⁸ Поймаз – холодный северо-восточный ветер. Название происходит от древнегреческого бога ветра Бореаса, известного по произведениям Гомера «Илиада» и «Одиссея».

башни, они бросали грозные взгляды и истошными криками пытались загнать меня внутрь. Я же, крохотная и промокшая, болталась на вершине семидесятиметрового столпа, воздвигнутого когда-то мужественными генуэзцами.

В голове всплыла история, которую недавно вычитала в мемуарах малоизвестного путешественника. Около четырехсот лет назад жил в Константинополе, в том самом районе, где и стоит Галата, ученый-изобретатель, поразивший окружающих находчивостью ума и редкой красотой. Он был молод и амбициозен: запускал средневековые «ракеты» (и они, кстати, успешно взмывали ввысь), а также мечтал покорить небо. Османский Икар¹⁹ – так называли бы его современники, если бы только были знакомы с античной мифологией. Звали парня Ахмет Челеби по прозвищу Хезарфен, что означало на персидском «тысяча знаний». Однажды смекалистый Ахмет смастерил крылья наподобие вороньих и прыгнул с ними с той самой башни, на которой я сейчас с трудом удерживала равновесие под натиском свирепствующего ветра. Удача Хезарфену благоволила, и, пролетев около четырех километров, он легко перемахнул через Босфор и благополучно приземлился на пло-

---

¹⁹ Икар – герой древнегреческой мифологии, известный своей необычной смертью. Поднявшись в небо на самодельных крыльях, он забыл совет отца Дедала не подлетать близко к солнцу. Воск, скреплявший крылья, растопился, и Икар упал в Эгейское море, часть которого называют по сей день Икорийским в честь погибшего в его водах смельчака.

щадя района Ускюдар в азиатской части города. Юному «летчику» рукоплескали толпы, а вот султану с бесчисленной свитой завистливых визирей такой успех пришелся не по нраву, и несчастного первооткрывателя отправили в ссылку в Алжир, где он, бедняга, вскоре скончался.

Неожиданно в нескольких метрах от башни взмыл очередной порыв беспощадного ветра. Стекла задребезжали, и само сооружение, казавшееся могучим и непоколебимым, задрожало. Тысячи крохотных осколков вонзились в раскрасневшиеся на холоде щеки. В дверях у смотровой площадки показался пожилой человек в форме. Он что-то кричал и махал рукой в мою сторону, однако в бешеном гуле непогоды невозможно было разобрать ни слова. Пряча от ветра лицо в локте, он приблизился, схватил меня за рукав и потащил внутрь.

Это был охранник. Ему стоило невероятных усилий захлопнуть широкую дверь, ведущую на площадку. Внутри было тихо, и только за окнами продолжался устрашающий гул северного «бореаса».

– Вы что?! – беспокойно закричал человек с добрыми глазами. – Там находиться нельзя. Небезопасно! В такую погоду башня закрыта для посетителей.

– Простите, я не знала... Хотела посмотреть на город.

– Ну, вот и посмотрели, а теперь спускайтесь. Вы себя хорошо чувствуете? – Он подошел ближе и пристально вгля-

делся в мое лицо, которое было багровым от миллионов поцелуев ледяных снежинок, налетевших с Босфора в одночасье. Конечно же, я чувствовала себя прекрасно, хотя преодолеть сто сорок три крутые ступени вниз сейчас мне было не под силу.

– Я отдохну немного и пойду, если вы не против...

– Отдохнуть вам мало. Нужно лекарство... – И подставив локоть, он бережно начал спускать меня по лестнице, как будто я была фарфоровой куклой, а не чудаковатой туристкой, совавшей нос во все поросшие мхом щели приветливого города. Вскоре мы были в небольшой комнатушке, уставленной экранами, на одном из которых, как я догадалась, меня и обнаружили. На смотровой площадке по-прежнему бушевала стихия, и я передернулась от мысли, что, если бы не Бора-бей (а именно так звали моего седовласого спасителя), все еще могла быть там.

Два медных чайника – один на другом – важно пыхтели на столике в углу. Там же расположилась батарея крохотных стаканов, больше смахивавших на стеклянные наперстки. Отточенными движениями Бора-бей разлил чай, и, издавая массу свистящих звуков, которые найдутся в арсенале любого турецкого дедушки, важно опустился в колченогое кресло, доставшееся ему, очевидно, от отца. Принести на работу любимый стул, стол, сервиз или чайник в Стамбуле не просто принято – подобные действия вызывают здесь

массу умиления на лицах коллег и даже начальства. Так что в современных офисах, оборудованных по последнему слову техники в минималистичном стиле high tech, нередко можно обнаружить антикварную рухлядь, доставшуюся от прадеда или еще лучше – от прапрабабки.

В комнате приятно запахло крепким чаем. Это особый, ни с чем не сравнимый аромат, ценить который по-настоящему я научилась только в Стамбуле. До этого чаепитие ассоциировалось у меня с конфетой или десертом, которые непременно нужно было чем-то запивать. Но только не в этом городе: здесь чай – это и средство утоления жажды, и способ поставить на ноги заочневшую туристку.

– Вот тебе, дочка, лекарство... Пей не спеша... Выпьешь – еще налью. – И очаровательный Бора-бей неуклюже поднес почти к моему носу стаканчик, едва не расплескав дрожащими руками янтарное содержимое. Я сделала глоток – и жизнь тут же вернулась в онемевшие пальцы, голова просветлела... Добродушный охранник, внимательно следивший за мгновенной переменой, от радости звонко щелкнул пальцами и потянулся за чайником, чтобы добавить горяченького.

– Да... Жизнь бежит, как река... – начал он философствовать ни с того ни с сего после третьего стакана. – А вот башня наша все стоит и стоит, и ничто ей не страшно! Уж сколько землетрясений было, войн, а ей хоть бы что! Знай себе в высоту растет, как дитя малое!

– Разве она не такой была изначально?

– Конечно нет! Уж я-то знаю! Всю жизнь ее охраняю. Музеем она недавно стала. Раньше и купола на ней не было. Плоская крыша. – И он медленно провел ладонью по поверхности столика, чтобы я лучше поняла, что такое «плоская».

– И для чего нужна была эта башня?

– Как для чего? Вначале ее использовали как маяк, а потом просто как смотровую... Следили, чтобы в городе пожаров не было, происшествий... А еще раньше... Кругом были поля и пастбища. Итальянцы эти – как же их? – генуэзцы! Так вот они разводили коз, выращивали овощи... А на крыше сушили сыры и... как их?

– Domates?²⁰

– Вот-вот, domates... Мы с женой до сих пор их сушим. И в печке, и на солнце. А потом едим с эриште²¹, с теплым хлебом, в пиде²² кладем...

Я сглотнула слюну, представляя домашнюю лапшу, щедро сдобренную сливочным маслом и присыпанную жменей высушенных пряных помидоров.

– А я думала, что вяленые помидоры едят для похудения.

– Норрала!²³ И кто тебе сказал эту глупость? Кому придет в голову есть, чтобы худеть? Если худеть хочешь, то не ешь уж совсем ничего! Только потом не жалуйся,

---

²⁰ Помидоры (тур.)

²¹ Эриште – домашняя турецкая лапша из яиц и муки.

²² Пиде – турецкая пицца в форме длинной лодки.

²³ Как бы не так! (тур.)

что и жизнь не в радость. —

И он вонзил в меня обиженный взгляд, будто я затронула болезную тему.

– Но многие следят за фигурой, – начала я мямлить, оправдывая вопрос, который теперь и мне казался немного глупым.

– Я тебе так скажу, *sanım*²⁴. Тот, кто хочет похудеть, или с головой не дружит, или человек плохой. Если бы моя жена хоть раз заикнулась о таком, я бы в тот же день отправил ее к матери, чтобы глаза мои не видели.

– А она у вас стройная или... – Я сгорала от стыда, но кто-то будто тянул за язык, заставляя вдаваться в детали живо-трепещущей темы.

– Стройная ли она? – На минуту Бора-бей даже опешил. – А я почему знаю? Она мне жена или кукла? Какая есть, такую и люблю... Готовит она ой как вкусно! Мы оба из Газиантепа. А там кухня, дочка, такая, что пальчики оближешь... Стамбульская еда – *öf!*²⁵ – И он с удовольствием похлопал себя по круглому животу, едва уместившемуся в форменной рубашке.

– В Стамбуле тоже вкусно... – пыталась защитить я любимый город и оправдать прибавленные килограммы.

– Это потому, что ты ничего лучше не ела. Я расскажу, как мы томаты вялим. Ты дома приготовь и мужу дай. По-

---

²⁴ Душа моя (*тур.*). Распространенное ласковое обращение в Турции.

²⁵ Тьфу! (*тур.*)

смотришь, что он скажет. После этого только на тебя смотреть будет, даже если станешь... ммм... как наша Галата! – И он звучно рассмеялся, а я тихонько постучала по ножке стула и незаметно сплюнула, как учила бабушка: «чтоб этакая напасть не напала».

Возвращалась домой я через рынок, на котором купила несколько килограммов мясистых оранжево-красных томатов, по форме напоминавших вытянутую сливу. Нужно было срочно приниматься за вяление, тем более что проверенный временем рецепт Бора-бея был записан с учетом мельчайших подробностей.

Стоило повернуть ключ в двери, как я услышала знакомый голос соседки, которая чинно восседала в моем вольтеровском кресле канареечного цвета с видом, вероятно, того же Вольтера и обучала основам уборки мою же помощницу Гюльгюн. Та, поджав узкие губы, размазывала пыль по антикварному пианино. Заметив меня в дверях, она просияла и скрылась в кухне.

– Ну, наконец! Тебя что, ветром сдуло? Я час уже жду! Как Дерья? Объяснила, что к чему? – тут же бросилась ко мне неугомонная Эмелька, чей вид напоминал скорее взъерошенного птенца, чем мать четверых детей. И как ей только удается справляться с ними?

– Да... Научила есть вяленые помидоры. – И я со вздо-

хом опустилась на обитую узбекским сюзане оттоманку, что привечала пестрой расцветкой каждого, кто переступал порог нашего временного пристанища.

Эмель скроила типичную стамбульскую гримасу (я не могла не улыбнуться) и тут же набрала побольше воздуха в легкие, чтобы начать нескончаемую проповедь или исповедь – в любом случае ужасно утомляющую... О, как же это было в духе моей замечательной соседки! Она болтала без умолку, никогда не заботясь о содержимом сказанного, и каждый раз искренне удивлялась, когда ее очередной бессмысленный монолог приводил к неожиданным последствиям.

– Ты знаешь, а ведь это неплохая идея! Мы должны навялить с тобой гору томатов! – протараторила она, а я указала на бумажный пакет с помидорами, все еще лежавший у входа. Эмель тут же бросилась в кухню, из которой через секунду вылетела настроенная Гюльгюн, боясь поручений взбалмошной гостьи.

– Но меня больше удивило другое! – крикнула я так, чтобы мой голос был слышен за звоном противней, которые Эмель неумело вытаскивала из шкафа. – Эта диетолог, Дерья, проговорила, что стамбулки перед сном парят ноги. Это правда?

Удивленное лицо Эмель показалось из-за кухонного косяка.

– А ты разве нет? – на что я смущенно вжала голову в плечи. Складывалось ощущение, что мной была пропущена важнейшая часть женского туалета.

– Ну... в ванне ты же лежишь перед сном?

В растерянности я замотала головой.

– Вообще-то у нас и ванны в квартире нет. Только душ.

Эмель смотрела на меня так, будто я только что прилюдно призналась в том, что у меня нет собственной зубной щетки. Она скорчила снова одну из своих ужаснейших гримас, от которых у нее наверняка должны были скоро появиться мимические морщинки, и уверенной походкой проследовала в спальню, откуда тут же улизнула ленивая Гюльгюн. Очевидно, Эмель полагала, что я, дикорастущее растение «ябанджи», за год, проведенный в этой квартире, могла не заметить в ней ванну. Через минуту она вернулась. Ее лицо выражало полное непонимание того, как вообще квартиры без ванн могут сдавать в аренду и, главное, какие недотепы их снимают. Недотепой в этой ситуации была я, которую радетельная Эмель тут же взялась спасать.

– Теперь понятно, почему ты не можешь похудеть...

– И почему же?

– Да потому, что ноги не паришь! У тебя с женскими гормонами проблема. Это же любому ребенку понятно.

В ускоренном режиме я провернула в голове все, что знала о гормонах, и тазика с горячей водой среди этих знаний не обнаружилось. Однако спорить с Эмель было бесполезно, тем более проверить сомнительную теорию не составляло никакого труда. Совершенно очаровательный пластмассовый таз для ручной стирки стоял в детской ванной. Его

я и представила Эмель как доказательство моей железной решимости начать таинственнейшую из процедур сегодня же вечером. Однако в этот раз решительность сыграла со мной злую шутку. Соседка грозно шикнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.